

Пусть взглянут на смиренья образец!
Вот та, что в мире грешников смирила:
Так предназначил Движущий светила.
Ты говоришь, канцона, мнится мне,
Как бы вступая в спор с твоей сестрою,
Она назвала гордою и злою
Ту даму, чье смиренье славишь ты.
Вселенная сияет в вышине;
Небес вовек не затемнится строю,
Но наши очи, омрачась порою,
Звезду зовут туманной. Красоты
Жестокими казались нам черты,
Но истину не видела баллата,
Она страшась судила и спеша.
Трепещет вновь душа,
И гордостью, ей кажется, объята
Прекрасная в лучах грядущих дней.
Ты оправдаешься, не виновата
Ни в чем, когда предстанешь перед ней.
Скажи: «Мадонна, если вам угодно,
О вас поведаю я всенародно».

I.

Как говорится в предыдущем трактате, моя вторая любовь повела свое начало от исполненного жалости вида некой дамы. Впоследствии любовь эта, благодаря тому что душа моя оказалась восприимчивой к ее огню, из малой искры разрослась в большое пламя; так что не только наяву, но и во сне сияющий образ этой дамы озарял мой разум. И невозможно было бы ни выразить, ни уразуметь, насколько велико было желание ее увидеть, которое мне внушал Амор. И не только по отношению к ней испытывал я такое желание, но и по отношению ко всем лицам, хоть в какой-то степени ей близким, будь то ее знакомые или родственники. О, в течение стольких ночей глаза других людей, сомкнувшись во сне, предавались отдохновению, тогда как мои неотступно любовались ею в обители моей любви! Подобно тому как сильный пожар пытается так или иначе вырваться наружу, уже не в состоянии оставаться скрытым, точно так же и я никак не мог преодолеть непреодолимое желание сказать о своей любви. И хотя я обладал лишь малой властью над своими поступками, тем не менее то ли по воле Амора, то ли под влиянием собственного порыва, но я не раз к этому приступал, так как понял, что в разговоре о любви не бывает речей более прекрасных и более полезных, чем те, в которых превозносится любимый человек.

К такому решению меня склонили три довода: одним из них была моя любовь к самому себе, которая и есть начало всех других видов любви, как это ясно каждому. Ведь нет более законного и более приятного способа почтить самого себя, чем почтить друга. Хотя между людьми несхожими дружбы быть не может, тем не менее всюду, где наблюдается дружба, предполагается и сходство, а там, где предполагается сходство, и похвала и порицание взаимны. Основываясь на этом, можно извлечь два великих поучения: во-первых, следует избегать дружбы с порочным человеком, чтобы из-за дружбы с ним о тебе не сложилось дурного мнения; во-вторых, никто не должен порицать своего друга открыто, ибо таким способом он бьет не только его, но и самого себя. Другое соображение, из которого я исходил в своем решении, заключалось в желании, чтобы моя дружба с этой дамой была длительной. Следует, однако, помнить, что, как говорит Философ в девятой книге «Этики», для сохранения дружбы между людьми, чье положение неодинаково, в их поступках должна быть некая соразмерность, которая как бы сводила бы несходство к сходству. Так, хотя слуга не может облагодетельствовать господина настолько, насколько тот благодетельствует его, он тем не менее должен отдавать лучшее, что может от-